

Социалистическая индустрия

● СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Татьяна ПЕЛЬТЦЕР:

«СЦЕНА —
МОЯ ЖИЗНЬ»

Кто не помнит мать Бровкина в кинокартине «Солдат Иван Бровкин»? Энергичная, необычайного обаяния, улыбка которой полна задора, заразительно светящаяся острым народным юмором.

Десятки ролей в кино, десятки неповторимых ролей на сцене. Актерская судьба народной артистки СССР Татьяны Ивановны Пельтцер сложилась таким образом, что с возрастом не уменьшалось количество ее ролей, а возрастало. И ее мастерство расширялось тонкими, неожиданными гранями. Вот добрая, благородная Праксисья в «Старой деве» И. Штока, а вот — высокомерная, хищная мадам Ксидиас в героической комедии Л. Славина «Интервенция». Острая, с блистательным юмором френкен Бок в спектакле «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» А. Линдгрен и алчная Манефа в комедии А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Мудрая хранительница домашнего очага, старшая из династии Ивановых, в обзорной «Маленькие комедии большого дома» и кокетливая, лукавая Марселина в комедии Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро...» Бесспорно, мы являемся свидетелями интереснейшего периода в жизни актрисы. И если вспомнить, что в эти дни Татьяна Ивановна исполнила 70 лет, то станет ясно, что зрителю дается предметный урок творческой молодости, самодисциплины.

На юбилей актрисы главный режиссер Театра сатиры народный артист РСФСР В. Плутчик сказал: «Сцена — ее дом, ее профессия, ее жизнь».

— Действительно, сцена — моя жизнь. Родилась я в актерской семье. Отец Иван Романович Пельтцер был моим первым учителем. На подмостки я вышла семи

лет в роли Сережи Каренина, затем играла Леночку в «Дворянском гнезде» и многих детишек в других спектаклях. В шестнадцать лет я уже разъезжала как «взрослая» актриса с передвижным Центральным рабоче-крестьянским и красноармейским театром. Общение с широкой аудиторией, нерасторжимая связь с жизнью помогали в работе, позволяли остро чувствовать характеры, постигать внутренний мир людей, приступивших к строительству первого социалистического государства.

— Вероятно, поэтому вы с такой точностью и достоверностью создаете сегодня характер женщины-работницы тех лет в спектакле «Темп-1929»?

— Время, в которое разворачивается действие «Темпа», — моя молодость. Это годы, когда формировался облик советской женщины, познавшей радость созидания новой жизни, получившей право быть хозяйкой своей страны. И моя память хранит реальные прототипы парторга механического цеха Софьи, которую я играю сегодня. Простая работница на равных ведет разговор с директором завода, обвиняя его с такой твердой убежденностью и болью за дело завода, что принципиальный и неуступчивый Гай чувствует

ее правоту и вместе с ней ищет возможность исправить положение. Сейчас такие женщины не редкость среди рабочего класса, я знаю многих, похожих на Софью, на московском ЗИЛе, с коллективом которого наш театр связывает шефская дружба.

— 1 октября Московскому театру сатиры — одному из популярнейших наших театров — исполняется 50 лет. Вот уже полвека искусство вашего театра помогает человечеству, «смеется», расставаться со своим прошлым. И если верить средневековым мнестремля, которые цели: из всех дней самый потерянный тот, когда ты не смеялся, — то у вашего коллектива потерянных дней нет.

— У нас в театре популярна другая песенка — из спектакля «Проснись и пой»: успех сопутствует только тому, кто может первым посмеяться над собой.

— Министерство культуры и просвещения Венгерской Народной Республики присудило вам премию за исполнение роли тети Тони в пьесе венгерского драматурга Дьярфаша «Проснись и пой».

— В этом спектакле мне приходится не только петь, но даже танцевать... Но главный акцент роли лежит все-таки не на поверхности. Основная тема образа — это

молодость духа, нравственная стойкость. Энергичная теть Тони вселяет веру в возможность, если не вечной, то наверняка длительной молодости. И в чем, думаете, секрет ее молодости и обаяния? В активной доброте. Тетя Тони прожила не такую уж безоблачную жизнь. Но никто не видел ее бездейственной, она никогда не позволяла себе обрушить дурное настроение на окружающих. Моя героиня постоянно готова прийти на помощь любому, кто попал в беду. Создавая этот образ, мне хотелось, чтобы зритель понял, что добрые чувства не пробудить без умения вобрать в свое сердце тончайшие духовные движения другого человека.

Роль тети Тони как бы специально написана для Т. Пельтцер. «Мы с радостью узнаем в обаятельной, доброй, озорной тете Тони нашу Татьяну Ивановну с ее жаждой и высоким умением жить», — говорит народная артистка РСФСР В. Васильева.

— Татьяна Ивановна, где, по-вашему, водораздел между подлинным искусством и ремесленным подражанием?

— Ответить на вопрос не просто. Граница подвижна и неустойчива. То, что некогда было открыто гениальной интуицией и доступно только таланту, со временем становится добычей ремесленников. Может быть, понять самих себя нам помогут точные науки? Исследовать процесс творчества не для того, чтобы повторить (в искусстве это невозможно), а для того, чтобы лучше понять, приблизиться к тайне воздействия талантливого актера на зрителя.

— Театр — одно из самых эмоциональных по своей природе искусств. И для актеров, чье творчество — в непосредственном контакте с аудиторией, должно быть особенно наглядно различие в методах, которыми пользуются наука и искусство. Несомненно, они служат одной и той же цели — познанию действительности. Но только в конечном счете,

Идут они, как известно, различными путями.

— Искусство убеждает, как любимая женщина, не унижаясь до доказательств. Это шутка, но в ней много верного. Зритель, придя на спектакль, постигает действительность, как образы, а студент штудировал учебник, усваивает действительность, как конкретные понятия.

Кого бы ни играла Татьяна Ивановна, она всегда говорит о времени, о верности идеалам века, о судьбах людей, о доброте, поднимающей человека над пошлостью и грязью жизни, о ханжестве и изощренности зла, рожденного убогой и нищей духом жизнью. Силой своего таланта актриса умеет привлечь внимание зрителей и нравственному долгу человека перед самим собой, перед обществом. В философской драме «Мамаша Кураж и ее дети» она играет трагедию века, изображенного Бректом.

— Я не позволяю ни себе, ни зрителям сочувствовать страданиям своей героини. Жалость может увести от главного — необходимости поразмыслить над жизненной позицией мамаш Кураж — немудреной, но распространенной еще и сегодня среди некоторой категории людей и выражающейся в мудрости типа «моя хата с краю». Мне хотелось, чтобы история мамаш Кураж выглядела не как семейная драма, а как трагедия социальная, чтобы зрители видели истоки, породившие трагедию старой маркитантки, наживающейся на войне.

— Коллектив театра этим спектаклем как бы еще раз предостерегает человечество от пассивности и равнодушия, особенно опасных, когда дело касается войны и мира.

— Это необходимо сейчас, когда мы готовимся отметить 30-летие нашей победы в Великой Отечественной войне. В репертуар включены пьесы, посвященные бесмертному ратному подвигу народа. Обращаясь памятью к войне, все мы думаем о мире.

Н. ИЛЬИНСКАЯ.